

ЗИНАИДА ГИППИУС

ОНИ ПОХОЖИ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Они похожи

Аннотация

«Опрокинутая небесная чаша была не лазурная, даже не синяя, а густо-сиреневая от зноя и от желтизны холмистой равнины, в которую впивались ее края. Края у черты соединения замглились, засерели. Почти в самой середине сиреневого свода стояло солнце. Но оно казалось не светилом, а огненной дырой, через которую прорывались из какого-то невозможного мира пламенные лучи. Лучи падали на землю горячей тяжестью, давили, душили ее, озаряя чрезмерным сиянием. Земля переставала дышать, умирая в славе тяжкого сверканья...»

Зинаида Гиппиус

Они похожи

*...Не двенадцать ли вас избрал Я? Но один ли из вас диавол.
(Иоан. VI, 70)*

Опрокинутая небесная чаша была не лазурная, даже не синяя, а густо-сиреневая от зноя и от желтизны холмистой равнины, в которую впивались ее края. Края у черты соединения замглились, засерели. Почти в самой середине сиреневого свода стояло солнце. Но оно казалось не светилом, а огненной дырой, через которую прорывались из какого-то невозможного мира пламенные лучи. Лучи падали на землю горячей тяжестью, давили, душили ее, озаряя чрезмерным сиянием. Земля переставала дышать, умирая в славе тяжкого сверканья.

По большой дороге, около нив желтой пшеницы, шли странники, один за другим, один близко к другому. Дорога вилась по холмам от нижнего селения к тому, что на холме. Видно было далеко и широко, видны были оба селения – или, может быть, города, – оба белые и плоские, оба блистающие от белизны, как два алмаза. Дорогу всю ело и давило солнце; только кое-где подступали к ней разбросанные посреди пшеничных полей низкорослые корявые деревья, и тогда на желтую пыль ложились короткие, узловатые и сухие тени.

Странники шли молча, медленно и немного согнувшись под тяжестью солнца. У них были длинные, то желтовато-белые, то желтовато-серые одежды, и верхняя закрывала голову, и лица их были затенены.

Они шли вместе, близко один к другому, а поодаль за ними следовала женщина. Они шли давно и устали, давно шла за ними и женщина. Они редко оборачивались, и женщина, может быть, думала, что они ее не замечают, держалась вдали и не приближалась, но все шла.

У странников не было ни посохов, ни мешков, и только один нес под складками своей совсем желтой одежды что-то громоздкое, с острыми углами.

Там, где дорога подымалась вверх, стояли сразу три серых, короткотенных дерева. Под ними горячие белые камни, большие.

– Учитель, отдохнем здесь, – сказал один из странников, высокий и худой, приподнимая покрывало со лба. Он был стар, сед, лыс. Над добрыми, бледными глазами круглились удивленно поднятые брови, отчего лоб весь морщился в ровные складки.

– Отдохнем! Тут ни воды, ни тени! Не лучше ли отдохнуть, когда придем в город? Скоро ты устнешь, Яков! – быстро стал возражать ему другой, в желтом, тот, что нес ящик под одеждой.

Яков вероятно не стал бы настаивать, так как был кроток, но в это время третий путник, безбородый мальчик, нежно-

ликий и кудрявый, тоже сбросил покров с головы и сказал:
– Да, если б отдохнуть! Мы так устали! Как ты хочешь,
Учитель?

Тот, к кому они обращались и называли «Учитель», по-
дойдя к белому камню под деревом, сел, а потому человек
в желтом не возражал больше и тоже сел на другой камень,
как раз напротив.

Кудрявый мальчик опустился на землю у ног Учителя. От
зноя и тяжести была тишина.

Один из странников, не старый и не молодой, остробо-ро-
дый, быстрый в движениях, приложил ладонь к глазам и с
любопытством глядел на дорогу.

– И что эта женщина идет за нами? Давно идет, а не под-
ходит. Чего ей нужно?

– Может быть, больная. Мало ли народа ходит к Учите-
лю, – сказал Яков.

Но любопытный не унимался.

– Нет, она молода и здорова. Я заметил ее еще там, на
берегу. Стоит, следит, не подходит. Не слушает, только сле-
дит, а лицо сердитое.

– Лучше бы женщины сидели дома за пряжей и думали
бы о том, как помочь бедняку, – сказал человек с ящиком,
сидевший напротив Учителя, но тоже стал всматриваться в
женщину, которая очень медленно, но решительно и упрямо,
подвигалась к ним.

Он долго всматривался, и вдруг тонкая тень набежала на

лицо. Лицо у него было молодое, темное, прямой тупой нос, алые сжатые губы, глаза, похожие на небо, только темные, почти черные; черные мягкие волосы, слабо завиваясь, падали на лоб; черная мягкая бородка почти не курчавилась. Казалось, человек с таким лицом не может улыбаться. Он и не улыбался никогда. Весь он был черный и яркий. И одежда у него была почти яркая – желтая.

Когда женщина стала подходить, он отвернулся равнодушно и опустил свои неробкие, темноцветные глаза вниз.

Впрочем, женщина и не подошла близко, а остановилась у последнего дерева, прислонилась к нему головой и молчала. Из-под опущенного серого покрыва виден был ее странный горячий взор.

Некоторое время молчали и путники, глядя на женщину. Черный не поднимал глаз и не шевелился. Наконец остро-бородый, которому уже не сиделось на месте от любопытства, сказал как будто про себя:

– Вот надоедливая женщина! Докучает и докучает. Спрошу-ка ее, что ей нужно?

Он остановился, и так как все молчали, продолжал, уже обращаясь к женщине:

– Тебе, милая, нужно что-нибудь? Идешь и идешь все за нами...

Женщина отделилась от дерева и тихо, нерешительно и невнятно сказала:

– Я... к Учителю вашему...

– К Учителю? Что ж ты там, на берегу, при народе не подходила? Ты больная? Откуда ты? Чья?

Женщина смутилась, испугалась, не знала, на какой вопрос отвечать. Потом робко вымолвила:

– Я оттуда... – она неопределенно махнула рукой на восток. – Мои родители... он знает, – произнесла она вдруг с твердостью и неожиданно и гневно указала на черного. – Я не больная. Я хочу говорить с вашим Учителем.

Любопытный добродушно и радостно засмеялся.

– Так ты ее знаешь? – живо обратился он к черному. Но тот молчал и не шевелился.

– Мне надо говорить с вашим Учителем, – настойчиво повторила женщина. Она откинула покрывало и глядела уже без робости, вперед, но не на Учителя, как будто избегая его взором, и не на черного, который ее знал, а на говорившего с ней остробородого ученика. Она была очень молода, лет шестнадцати или пятнадцати, с узким, золотисто-смуглым лицом и огромными черными, гневными глазами. Любопытный покачал головой.

– Не знаешь, чего просишь, девушка. Иди домой. Нельзя тебе говорить с Учителем. Учитель никогда не говорит с женщиной.

– Иди, иди домой, – сказал и Яков, утирая лысину. – Что докучать? Ты не больная. Иди себе.

Но девушка не трогалась с места.

Двое из учеников, молчавших ранее, один длинноволо-

мый, другой курчавый, улыбающийся и зоркий, стали подниматься, и длинноволосый сказал:

– Нехорошо это. Пусть она уйдет от нас. Девушка испугалась и почти вскрикнула:

– Мне надо... Мне надо сказать Учителю...

Ученики заговорили почти все сразу, но в эту минуту сам Учитель сделал движение рукой, освободив ее из-под складок одежды, и они замолкли, поняв, что Он хочет выслушать девушку. Удивились, но замолчали.

Поняла это и девушка, но вдруг опять оробела, сжала губы и в первый раз посмотрела в лицо Того, за кем так долго шла.

Он сидел на белом камне под деревом. У него были глаза, похожие на небо, только светлее, почти солнечные; казалось, он никогда не улыбается. Но порою он улыбался. Только его улыбка была такой невозможною радостной радостью, что и видевшие ее не верили потом, что видели, забывали, что видели; каждый раз она была и первою, и последнею, и не бывшею, и не оставалось слов для воспоминания. Теперь он смотрел и не улыбался, сидел весь светлый, но не яркий, а тихий, и одежда у него была светлее, чем у других, – почти совсем белая.

Девушка не опустила глаз. Молчала, потом, будто с усилием, проговорила:

– Я хотела сказать тебе, Учитель...

Еще раз остановилась, но потом продолжала смелее:

– Ты знаешь все, говорят. Ты рассудишь по правде, по за-

кону. Я хотела просить тебя... Отпусти со мной твоего ученика. Вот его.

Она слегка обернулась и указала на черного.

– Его, – повторила девушка. – Если ты все знаешь, ты знаешь и то, что он со мною обручен. Он из нашего рода самый близкий мне, я одна дочь в доме моего отца, и он должен войти в дом наш. И было обручение и согласие между нами, и он копил деньги для дома, и вместе мы прикупили овец и другого скота. Я была обрученная ему невеста, и никто, кроме него, не может войти ко мне. Как я исполню закон отцов, если он отойдет от меня? Если бы ты видел горе моих старых родителей! Сжался, отпусти его! Разве мало у тебя учеников? И народ толпою ходит за тобой! С тех пор, как он услышал о тебе, и пошел, и услышал тебя, он уже не возвращался под нашу кровлю, и только от людей я узнала, что он неотлучно с тобою, идет, куда ты идешь, носит ящик с деньгами для бедных, и только раз, с тобою, был он в нашем городе, и с тобой ушел. Я увидела и пошла за вами. Отпусти его. Прикажи ему, а если не послушает, да будет проклят от Бога нарушитель закона!

Ученики заговорили сразу, и ропот их прервал слова девушки.

– Что ты! Что ты! – воскликнул испуганный Яков. – Какие слова у тебя! Разве можно говорить такие речи Учителю? И чего просишь, сама не знаешь! Учитель велит нам оставлять и дома, и жен, и детей, и идти за ним, а ты хочешь, чтоб он

повелел оставившему возвратиться?

– Молчи, старик! – прервала его девушка. – Ты прожил жизнь по закону, ты остаток дней отдаешь, а я? Я не оставляю – но оставлена; я не жила – и должна умереть. Я одна дочь у моего отца; он не увидит внуков, я умру, как затоптанная трава, как молодое дерево, не приносившее плодов, род наш изотрется в пыль и пылью разлетится. Учитель не захочет этого! Не для того пришел Он, чтобы мать не видела детей своих!

Зоркий, курчавый ученик с пытливым сомнением поглядел на девушку и сказал, улыбаясь:

– Еще надо исследовать, так ли все, как ты говоришь.

– Исследуй! Рассуждай! Смотри! Пытай! О, я знаю тебя, откуда ты родом! Вас двое там братьев, где другой? Вы все пытаете, все исследуете, нет для вас правды! Что ж ты ходишь за Учителем, пытаешь ли его правду? А не веришь – спроси его, – она указала на черного, – он здесь, он знает, что я говорю правду.

– Девушка не кривит душою, – сказал любопытный с некоторым соболезнованием и обратился к черному:

– Так ты оставил ее? И пошел? Как же ты теперь будешь? Что сделаешь?

Черный, не поднимая глаз, с усилием проговорил:

– Я сделаю, что велит Учитель. Он знает мой путь.

Тогда все глаза обратились на Учителя. Ждали, что он скажет.

Учитель молчал.

Девушка, видя, что он молчит, опять стала молить, протягивая руки.

– Отпусти его, я только его одного у тебя прошу. У тебя так много! Должно же исполняться закону, данному от отцов наших на вечные времена! Должно исполняться!

Нежноликий мальчик, сидевший у ног Учителя, проговорил, точно вздохнул, тихо и глядя вперед.

– Должно исполниться временем и срокам. Должно и закону исполниться...

Девушка говорила опять, но Учитель молчал. Тогда она вдруг, придя в отчаяние, крикнула:

– Ты не хочешь отпустить его? Ты меня не слышишь! Ты думаешь, он любит тебя? Я знаю, не оттого он с тобой, что любит тебя!

Яков, а за ним все другие, посмотрели на черного. Он ничего не сказал, только все лицо его горестно изменилось. И было ясно, что он – любит Учителя.

Но девушка не заметила ничего.

– Ты знаешь, что когда он не видал еще тебя, а слышал про тебя, он уже задумал свое. Ты пророк, и народ слушает тебя, говорят кругом о твоих делах, которые ты делаешь, от них твоя слава бежит впереди тебя, – и подумал тогда он... – он, что теперь сидит и молчит, – не я ли тоже пророк? И не та же ли у меня сила? Потому что, – девушка остановилась от волнения и гнева, – потому что наговорили ему в уши, что

он похож на тебя, как близнец... Что одно лицо у вас...

Выкрикнув эти слова, она взглянула пристально на Учителя – и сразу умолкла, с оборвавшимся голосом и широко открытыми глазами. В них было изумление и ужас. Она точно сама не верила, что сказала то, что сказала; точно помимо воли сказала и теперь, взглянув, сразу вся застыла от испуга и нового отчаяния. Ученики поднялись с места, пораженные, и глядели на двух, сидящих друг против друга, на черного человека в желтой одежде – и на Учителя.

Они были похожи, как близнецы. Только один был весь темный, – а другой весь светлый, один яркий – другой ясный. И в лицах обоих была разная тишина.

Ужас, ревность и отвращение овладели учениками, иными смутно, другими остро. Только молодой ученик с бездумным спокойствием и доверием приклонился головой к коленям Учителя, закрыв глаза.

Тогда Учитель поднял на девушку взор – и улыбнулся.

И с его улыбкой вдруг исчезло все сходство между ним и черным. Улыбка его была такой радостной радостью, что видевшие ее уже не верили, что видели, когда она угасла; но у всех, и у девушки, и у окружавших ее, отпал ужас, и точно кто-то твердил всколыхнутой и медленно успокаивающейся душе: «Все хорошо. Видишь, все хорошо».

Девушка, с недоумелыми слезами на длинных ресницах, ступила несколько шагов вперед и вдруг стала на колени.

– Господин, – сказала она кротко и, сама не ведая че-

му, улыбалась сквозь слезы. – Господин мой! Прости моему неразумию. Я ничего не знаю, а ты все знаешь. Я рассуждала, что мне нужен тот, кто мне обещался быть мужем, а ты отнял его. Но ты не отнял, а я тебе отдаю его, если он тебе нужен. Тебе известен и путь, и закон. Я только знаю, что хочу не того, чего я хочу, а чего ты хочешь. Возьми его, если он тебе нужен.

И она простерлась перед ним на земле, как перед Богом.

Учитель встал, встали и все сидевшие еще ученики. Встал и черный, но не подошел близко, а был поодаль.

Учитель тихо опустил руку на непокрытую голову девушки.

Она не посмела поцеловать руку, лежавшую на ее волосах, и только поднесла к губам складку его покрывала. Учитель оставил ее и пошел вперед, дальше, в гору. За ним, поспешно накидывая покровы, тесной кучкой двинулись ученики. Ближе всех к Учителю шел нежноликий мальчик, к нему протиснулся любопытный с острой бородой, потом шел робкий Яков и другие. Черный двинулся сзади. Ящик давил ему руку. Учитель не отпустил его, а черный чувствовал, как он до испуга далек Учителю и что между ними стоит – Скорбь. И, вероятно, не один он это чувствовал, потому что даже любопытный, всегда ревнивый, беспокойный от ревности, теперь обернулся и взглянул на него без всякой горячей досады и зависти, а с сожалеющей грустью.

Тяжкое солнце придавило плечи черного. Сгибаясь под

огненными лучами, словно под острыми бичами, поддерживая тянущий его вниз ящик, поплелся он наверх, по крутой и каменистой тропе. Белое покрывало Учителя сверкало и горело уже далеко, почти на вершине холма.

А внизу, прислонясь к дереву и глядя вслед, вверх, стояла веселая девушка со слезами на ресницах. Она по-прежнему ничего не знала, но ее новая, безымянная, радость осталась с ней.